

Программа исследования на тему «Формальный рынок донорских гамет: как конструируется родство?»

Введение:

В основе социальной жизни лежат правила и нормы, которые придают ей стройность, упорядочивают связи между индивидами и организуют повседневность. Отношения родства – это один из таких принципов организации социальной жизни, исследованию которого было уделено много времени и сил главным образом представителями антропологической дисциплины. Не просто так какое-то время антропологию шуточно называли родствологией [Эриксен 2014], и может показаться, что исследование данного феномена является прерогативой антропологов. Но на самом деле социологам тоже есть, что сказать на этот счет, примером тому служат работы Пьера Бурдьё или Толкотта Парсонса. Кроме того, по словам Томаса Эриксена, на европейскую антропологическую школу большое влияние оказала социология – отсюда идет разделение на социальную антропологию (британская, французская школа) и культурную антропологию (американская школа) [Эриксен 2014].

Исследования феномена родства еще примечательны тем, что позволяют пролить свет на культурные идеи о том, как зарождается человеческая жизнь, какова природа и смысл биологических и моральных связей между людьми [Stone 2010: 5]. Научные открытия способны привести к пересмотру или укреплению существующих в обществе представлений о воспроизводстве человеческой жизни, тем самым оказав влияние на смыслы, которые индивиды вкладывают в отношения, основанные на кровном родстве и браке, в т. ч. в понимание самого кровного родства.

Наверное, для западного человека до 70-80-х годов XX века не было никаких сомнений в том, что родственная связь между людьми определяется по наличию общего генетического вещества у них. 1978 год знаменуется событием рождения первого ребенка «из пробирки» в Соединенных Штатах Америки. А следующим достижением репродуктивной медицины стало рождение ребенка суррогатной матерью, которой был «подсажен» эмбрион, созданный из половых клеток генетических родителей ребенка. Так, развитие вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) фрагментировало биологическое родство женщины с ребенком на генетическое и гестационное¹, что усложнило восприятие кровнородственных отношений.

Знакомство с рынком гамет:

---

¹ Гестационное материнство подразумевает вынашивание и рождение ребенка, а генетическое – наличие общего биогенетического вещества у женщины и ребенка.

Повторюсь, развитие репродуктивной медицины ведет к переосмыслению человеческого тела, представлений о родстве и материнстве, изменению социального порядка. Но, помимо того, что появляются способы преодоления бесплодия, возникают также новые рыночные ниши – услуги, оказываемые специалистами в области репродукции, становятся делом коммерческого характера. Возможность приобрести репродуктивный генетический материал за деньги ставит донорство мужских и женских половых клеток² на рыночные рельсы. Участниками рынка являются доноры, реципиенты/пациенты/клиенты³, которые нуждаются в донорских гаметах, а также агентства донорских половых клеток, банки спермы, клиники репродукции и частные агенты, организующие связь между донорами и реципиентами. История существования донорства спермы берет начало в конце XIX века в то время, как донорство яйцеклеток стало возможным только благодаря такому методу экстракорпорального оплодотворения (ЭКО), появившегося почти на закате XX века [Almeling 2011].

Процедура извлечения донорского материала различается в зависимости от пола донора. Для женщины участие в программе донорства яйцеклеток занимает около 6 месяцев, в течение которых она получает инъекции гормональных средств для синхронизации менструального цикла с женщиной-реципиентом, для стимуляции работы яичников и проч., и наблюдается у врача. На заключительном этапе требуется хирургическое вмешательство для извлечения яйцеклеток – удаляется каждый ооцит из фолликула яичника. Мужчине, сдающему репродуктивный генетический материал, необходимо периодически приходить в банк спермы или специализирующееся на донорстве спермы агентство в течение определенного периода – обычно год. Семенная жидкость извлекается путем рутинной мастурбации в отведенной для этого кабинке, в которой есть удобное кресло/диван и материалы порнографического содержания. Донорам спермы запрещается сексуальная активность за несколько дней для сдачи образца репродуктивного генетического материала. Так, донорство ооцитов – это инвазивное предприятие, связанное с рисками для здоровья женщины, в отличие от донорства спермы, где не требуется хирургическое вмешательство и прием гормональных препаратов [Almeling 2011].

---

² Полые клетки или гаметы бывают мужскими и женскими, а называются они сперматозоиды и яйцеклетки/ооциты соответственно. Половые клетки представляют собой генетический материал, который необходим для создания новой жизни в равной степени, т.е. требуются и мужские, и женские гаметы.

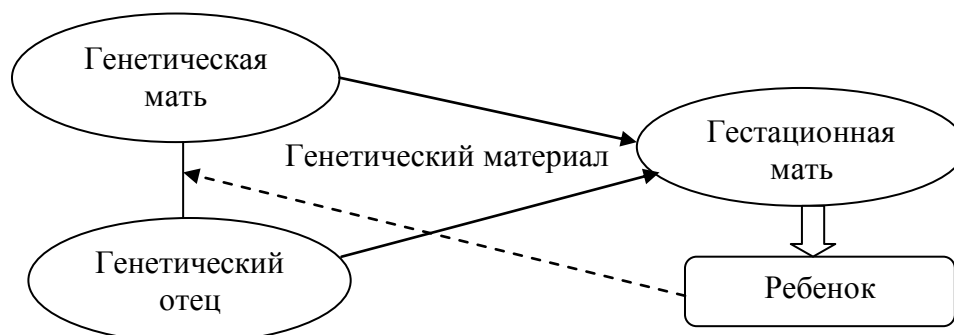
³ Выбор слова «клиент» или «пациент» применительно к реципиентам донорских гамет зависит от этических воззрений говорящего и рассматриваемого случая – обращается к услуге бесплодный, субфертильный человек или нет.

Существуют и различия в стоимостном оценивании донорских гамет, помимо различий в продолжительности процедуры и ее медицинском и техническом оснащении. За всю процедуру женщины получают несколько тысяч долларов, мужчины – в сотню раз меньше. Вознаграждение доноров ооцитов производится за каждую полученную яйцеклетку, напротив, донорам спермы оплачивается только надлежащего качества образец сданного материала. Несмотря на такое количество различий, есть и сходства в том, как агентства и банки генетического материала организуют репродуктивный рынок: предъявление жестких требований к физическому и психическому здоровью доноров, их поиск по критерию схожести с реципиентами, оплата вознаграждения за донорский материал после его извлечения [Almeling 2007].

Проблемная ситуация:

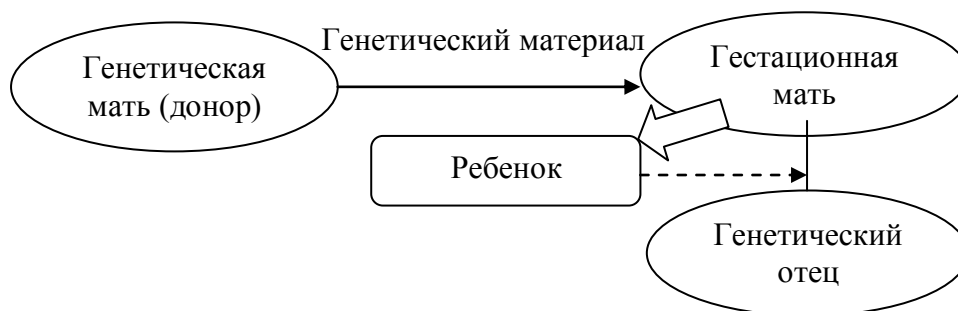
Возникновение рынка генетического материала и репродуктивного труда влечет за собой вопросы различного характера: морального, правового, научного и др. Но в фокусе моей исследовательской работы будет находиться феномен родства, помещенный в медикализованные условия. Обнаруживаются противоречия в понимании родственной связи в зависимости от способа вспомогательной репродукции. Рассмотрим две ситуации.

Ситуация 1. Суррогатное материнство (генетический материал принадлежит потенциальным родителям).

В ходе исследования, проводимого на третьем курсе, было обнаружено, что сотрудники медицинских и юридических организаций умаляют значение гестационного родства и придают особую важность генетическому и социальному родству в случае предоставления услуги суррогатного материнства. Они как будто отрицают родственную связанность суррогатной матери и ребенка, за счет чего становится возможны декоммодификация ребенка и оправдание предоставления услуги суррогатного материнства на коммерческой основе.

Ситуация 2. Донорство ооцитов.

Ситуация с донорством яйцеклеток кажется прямо противоположной ситуации с суррогатным материнством. «Истинное» материнство признается за женщиной, которая воспользовалась услугой ЭКО с применением донорских ооцитов. И это не единственные возможные комбинации элементов представленных схем, и они могут быть расширены другими компонентами.

Итак, возникает вопрос, как в условиях разнообразных способов лечения бесплодия с применением вспомогательных репродуктивных технологий конструируется концепт родства? Как в пределах одной культуры или даже медицинской организации обосновывается расхождение в «предписывании» родственной связи сотрудниками клиник и агентств в ситуациях донорства гамет и суррогатного материнства? Какие усилия прикладывают сотрудники клиник и агентств для того, чтобы деконструировать культ генетического родства, который и был создан медициной (ДНК-тексты, криоконсервация гамет и эмбрионов)?

Актуальность:

В журнале «Антропологический форум» 2011 года была отведена специальная площадка для обсуждения исследований феномена родства в неразрывном соотношении с текущим положением антропологии как научной дисциплины в России и за рубежом. Из данного материала можно сделать выводы о состоянии изучения феномена родства в России: интерес к данному явлению завидно преобладает у этнографов, лингвистических антропологов, семиологов. Их исследования в основном посвящены системам терминов родства, этническим особенностям языковых структур родства; чувствуется влияние наследия Клода Леви-Стросса, Альфреда Рэдклифф-Брауна и Льюиса Моргана. В глазах такого подхода родство видится как «застывшая», «затвердевшая» структура социальных и кровнородственных отношений. И примечателен тот факт, что редактор Альберт. Байбурин, говоря заключительное слово, не отметил идею Фадвы Гуинди о необходимости интегрировать кормление, усыновление/удочерение и институт крестных в систему родства, хотя это заметно расширяет исследовательское поле и привносит новое понимание самого феномена родства. Кроме того, ученые, принявшие участие в

обсуждении, отмечают ослабление интереса к изучению феномена родства в России несмотря на то, что данная область научного знания запятнана белым [Форум: Исследования феномена родства 2011]. Напротив, в новых исследованиях родства (new kinship studies), находящихся в мейнстриме в Америке и Европе, родство в понимании ряда ученых (Мерилин Стратерн, Сара Франклин, Джанет Карстен, Чарис Томпсон, Кэт Уэстон, Петра Нордквист и др.) представляется как более гибкий социальный конструкт, что позволяет исследователям шире и глубже взглянуть на социальную реальность.

Развитие вспомогательных репродуктивных технологий заставляет переосмыслить наше прежнее представление о родстве. Особенно стоит отметить такой метод лечения бесплодия, как экстракорпоральное оплодотворение, потому что именно он дал возможность для существования донорства яйцеклеток и услуги гестационного суррогатного материнства. Такие открытия в области репродуктивной медицины влекут за собой вопросы социального, биоэтического, политического, юридического характера, которые требуют понимания и решения. К примеру, деятельность, связанная с оказанием услуг с применением ВРТ, регулируется в России Семейным кодексом, Гражданским кодексом и Приказами Министерства здравоохранения, однако требует доработок.

Исследование феномена родства даже в стенах медицинских центров репродукции позволит прибавить к пониманию о том, что данный феномен представляет в принципе, как родство конструируется в условиях его фрагментации и как им можно манипулировать исходя из собственных интересов. Более того, настоящее исследование будет маленьким шагом на пути к возрождению интереса к изучению родства в России и продемонстрирует не ортодоксальный для российской антропологии и этнографии подход в исследовании данного феномена.

Цель:

Определить, как конструируется родство на формальном рынке донорских гамет.

Задачи:

1. Определить, какой смысл сотрудники клиник и агентств вкладывают в ограничение контакта между донором и потенциальными родителями.
2. Определить, какие ритуалы или иные акты совершаются сотрудниками медицинских клиник и агентств для (де-)конструирования родства?
3. Определить, как сотрудники клиник и агентств предлагают работать пациентам и донорам с информацией о том, что ребенок генетически не связан с его будущими родителями.

4. Определить, как в пределах одной организации сотрудники обосновывают расхождение в «предписывании» ими родственной связи и/или родительства в случаях донорства гамет и суррогатного материнства.

Предположения:

1. В своих работах Рене Алмелинг неоднократно акцентирует внимание на гендерно окрашенной организации рынка половых клеток. Рынок донорских яйцеклеток поглощен альтруистической риторикой, что видно на протяжении всего цикла оказания услуги, начиная созданием рекламы для привлечения доноров и их подбором, заканчивая выражением благодарности донорам яйцеклеток со стороны сотрудников клиник и обращающихся за помощью клиентов. Для рынка донорской спермы, напротив, характерен дискурс рабочих или деловых отношений, от мужчины требуется четкое трудовое соблюдение правил без всяких притязаний на дарообменную риторику. Сотрудники клиник жестко не препятствуют контакту потенциальных родителей и доноров яйцеклеток: между родителями и доноры возможны встречи; анкеты доноров предлагаются с их фотографиями. В ситуации донорства мужских гамет фотографии недоступны для обращающихся за донорской спермой клиентов, ведется более строгая политика конфиденциальности и ограничения контакта между потенциальными родителями и донорами [Almeling 2011]. Данное наблюдение Алмелинг полезно с точки зрения включения гендерного фактора в анализ процессов конструирования родства, однако ее обоснования гендерных различий в организации донорства гамет кажутся не совсем исчерпывающими. Она полагает, что на организацию этого рынка влияют гендеризированные представления сотрудников клиник о заботливом материнстве и удаленном отцовстве [Almeling 2007: 322]. Но этим однозначно нельзя объяснить, почему сотрудники клиник по-разному, в зависимости от программы донорства спермы или яйцеклеток, выстраивают стену между донорами гамет и клиентами.

Принципиальная разница между мужчинами и женщинами состоит в наборе возможных типов родства: женщине соответствует набор из гестационного, генетического, социального родства, + иногда выделяют лактационное родство, другими словами, грудное вскармливание ребенка, мужчине – только генетическое и социальное родство. Таким образом, женщины имеют преимущество перед мужчинами в количестве способов создания родственных связей с ребенком⁴. И это кажется важным, ведь через реализацию того или иного типа родства может достигаться гендерная идентичность

---

⁴ Вслед за Чарис Томпсон [Thompson 2005] и Петрой Нордквист [Nordqvist 2014] можно сказать, что существует ограниченный набор элементов родства, которые поддаются манипуляции, и часть которых используется для конструирования родственных связей. Но здесь приведен не весь возможный перечень элементов родства, более подробно – в отмеченных статьях.

человека, а отсутствие того или иного типа родства, следовательно, способно нанести удар по гендерной идентичности, что будет влиять на различные практики, в том числе в практики осуществления и применения услуг с использованием ВРТ. Сейчас я поясню эту мысль. Как показывают результаты исследования Ольги Исуповой, роды, т. е. реализация гестационного родства, являются важным элементом гендерной идентичности женщины [Исупова 2014], а, согласно Игорю Кону, мужская идентичность достигается за счет исполнения его миссии как осеменителя [Кон 2009], т. е. через реализацию генетического родства. Даже если сейчас нельзя однозначно сказать, что для женской идентичности важнее – осуществление генетического или гестационного родства, то ясно одно: возможность реализовать генетическое родство для мужчины более значимо, чем для женщины, ведь у него больше нет других способов создать биологическую родственность с ребенком и утвердить мужскую идентичность. Справедливо и обратное, невозможность передать свой биогенетический материал ребенку для мужчины воспринимается «больнее», чем для женщины. Поэтому вопрос об ограничении контакта донора и реципиентов, донора и ребенка стоит острее в случае услуги донорства спермы, а не донорства яйцеклеток. Для мужчины генетическая связь с ребенком обладает большей ценностью, чем для женщины в виду указанных выше причин, что может выступить объяснением результатов исследования рынка гамет, проведенного Рене Алмелинг. Донор яйцеклеток в меньшей степени чувствует свою связанность с ребенком и представляет меньший риск вторжения в целостность семьи реципиентов, чем донор спермы, значит, не нуждается в такой же жесткости лимитирования контакта с реципиентами и ребенком, как донор-мужчина.

2. В своих работах Петра Нордквист показывает, что сам факт обращения реципиентов к специализированным клиникам за донорским репродуктивным материалом уже способствует их отграничению и их будущих детей от донора [Nordqvist 2011; Nordqvist 2014]. Также сотрудники клиник и агентств имеют возможность прикладывать дополнительные усилия для создания родственной связанности между реципиентами и их будущими детьми или по деконструкции родства между донорами и детьми, которые с помощью донорского репродуктивного материала появляются на свет. Частично на такие мысли наталкивает работа Арли Хохшильд, но только по изучению феномена суррогатного материнства. Сотрудники клиник постоянно общаются с суррогатными матерями и в ходе беседы убеждают женщин в том, чтобы они рассматривали свою матку как способ заработать деньги [Hochschild 2013: 169]. Этим образом сотрудники клиник пытаются перевести дискурс о вынашивании и рождении детей из домашнего мира в экономический мир, в мир рабочих отношений, что позволяет ослабить родственную

близость, характерную для домашнего мира. То же самое могут делать сотрудники медицинских и других организаций, предлагающих услуги донорского оплодотворения и ЭКО с донорскими яйцеклетками: устанавливать «рабочий» фрейм с донорами для деконструкции их родственной связи с потенциальными детьми.

3. Для пациентов один из возможных способов работы с информацией о том, что ребенок генетически не связан с кем-то из родителей или с обоими родителями, является умалчивание о данном факте. Как показал опыт интервьюирования сотрудников медицинских и юридических организаций, занимающихся предоставлением или сопровождением услуги суррогатного материнства, сами сотрудники могут предлагать пациентам умалчивать об их «неестественно» рожденном ребенке. Например, в одной из организаций имеются накладные животы для женщин, не способных самостоятельно выносить ребенка. Интересно, будут ли сотрудники медицинских организаций предлагать скрывать пациентам информацию, что ребенок появился на свет благодаря донорскому репродуктивному материалу? Как они будут объяснять свое предложение? Я полагаю, что как сотрудники медицинских клиник работают индивидуально с каждым пациентом и донором: в каких-то ситуациях они вмешаются своим предложением умалчивать или раскрывать информацию о генетической принадлежности ребенка, в других ситуациях они остаются непричастным к этому вопросу. Осталось понять, от чего это зависит.

4. Вероятно, ключевым моментом в разрешении этого противоречия выступит социальное родство. Ведь не просто так сотрудники организаций, предлагающих услуги суррогатного материнства, обращают внимание на желание пациентов иметь детей и возможность обеспечить детям должное внимание и уход. Предположительно, схожую картину можно обнаружить и в ситуации обращения людей за донорским материалом.

Теоретическая основа исследования:

В антропологии существует ряд подходов к исследованию феномена родства. Теоретическим мейнстримом долгое время являлись структурный функционализм и структурализм [Эриксен 2014; Peletz 1995]. В 60-70-е годы XX века теория родства оказалась под лупой феминистической антропологии, политической антропологии, социальной истории и антропологии права, что позволило переосмыслить предшествующие идеи и включить новые концепты в анализ феномена родства, например, гендер или отношения власти [Peletz 1995]. Однако изучение того, как происходит конструирование родства сотрудниками медицинских клиник и других посреднических организаций, не должно происходить в отрыве от контекста и других феноменов, которые можно усмотреть на формальном рынке донорских гамет. Работы американской исследовательницы Рене Алмелинг, чей колоссальный труд именно в изучении рынка

мужских и женских половых клеток и коммодификации человеческого тела нельзя не отметить, являются отличным примером того, как можно учитывать сложность феномена, в том числе в соотношении с другими явлениями. Она предлагает теоретический каркас исследования, который включает биологические, экономические, культурные и структурные факторы [Almeling 2007: 320].

Из всего разнообразия теоретических подходов хотелось бы выделить те, которые лягут в основу моего исследования и которые оказали наибольшее влияние на мое мышление. Несмотря на то, что в работах Рене Алмелинг демонстрируется комплексный подход к исследованию рынка донорских гамет и предлагается богатый эмпирический материал, в качестве идейного вдохновителей я выделяю двух антропологов – Марсея Мосса и Клиффорда Гирца. Гирц показывает, как в одном культурном артефакте отражаются законы социальной жизни целого сообщества, чего стоит его анализ петушинных боев на Бали [Гирц 2004]. Мосс интерес своей позицией мониста и концептом тотального факта [Мосс 2001], что подводит к мысли о том, что нельзя проводить очень четкое различие в наблюдаемых человеческих действиях, исследовать феномен стоит в его полном охвате.

Что касается теоретического осмысления феномена родства, то здесь нужно отдать должное постструктуралистскому подходу Пьера Бурдьё. Для теории родства Бурдьё примечателен тем, что ощутимо смещает фокус с анализа системы или структуры в целом на индивида, правильнее сказать, уделяет внимание индивиду как агенту, способному к стратегическому планированию и стратегическим действиям, способного использовать имеющиеся у него ресурсы, создавать различные смыслы и упорядочивать жизнь [Бурдьё 2001; Peletz 1995: 351]. Обращение к теории Бурдьё находит обоснование в различных эмпирических исследованиях и собственным исследовательским опытом. Например, Петра Нордквист в исследовании репродуктивного путешествия (*reproductive journey*) лесбийских пар раскрывает в деталях стратегическое поведение индивидов и показывает, что родство – это многослойный и гибкий ресурс, поскольку имеются множественные способы, в соответствии с которыми человек определяет родственную связанность с другими людьми и осмысляет или воспринимает родство [Nordqvist 2014]. Более того, опыт интервьюирования сотрудников клиник репродукции и юридических агентств дает понять, что существует вариативность действий как работников медицинских и юридических организаций, так и их клиентов и пациентов. Хотя у сотрудников клиник и агентств есть наработанные схемы взаимодействия с клиентами и пациентами, внутренний свод правил или регламент, их действия могут отклоняться от

запланированных и привычных в зависимости от обстоятельств. Такие эмпирические наблюдения согласуются с идеей Бурдьё о хрупкости и подвижности структур родства.

<...>

Выборка исследования:

Планируется, что в выборку войдут сотрудники медицинских клиник и посреднических организаций, существующих формально, т. е. зарегистрированных государственными органами. Из-за труднодоступности информантов выборку составят все доступные случаи. Где предоставляется возможным, информанты будут набираться методом «снежного кома», другими словами, опрашиваться в одной и той же организации и по наводке уже проинтервьюируемых информантов. Обеспечению разнообразия выборки будет служить набор информантов с нескольких входных точек. В идеальном случае я проведу опрос в другом регионе, выбор которого зависит от количества организаций, где руководство даст согласие по телефону на проведение интервью. Потенциальные города, которые определяются до территориальной доступности и количеству имеющихся необходимых организаций, – Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Тверь, Владимир, Казань. Кроме того, я обращусь в те клиники и агентства, где ранее проводила интервью – они также предлагают услуги донорского оплодотворения и ЭКО с использованием донорских яйцеклеток.

Официального списка необходимых организаций в открытом доступе нет, но неполный перечень можно найти на Информационном портале по проблемам бесплодия, ВРТ и ЭКО (<http://www.probirka.org>), также будет произведен поиск организаций напрямую через Интернет-поисковики.

Стоит отметить, что есть некоторая вероятность поработать в одной юридической организации, которая занимается сопровождением программ суррогатного материнства и донорства яйцеклеток. В таком случае имеется возможность опросить не только работников фирмы, но и пациентов и клиентов, и привлечь такой метод сбора данных, как наблюдение. Но нет 100-% гарантии, что мне удастся осуществить включенное наблюдение, внедрившись в эту организацию.

Этические вопросы, связанные с исследованием:

<...>

База данных:

- Запись качественных интервью на диктофон с последующей расшифровкой в Word;

- Транскрипты интервью, собранные для проекта по легитимации суррогатного материнства, который проводился в рамках курсовой работы учебным годом ранее;
- Резюме интервью в формате заметки, если не будет получено разрешение на осуществление диктофонной записи беседы;
- Данные наблюдения в формате заметок, если будет возможность работы в одной организации.

Список литературы:

1. Артемова О. Ю. и др. Форум: Исследования феномена родства // Антропологический форум. №. 15. 2011. С. 9-144.
2. Бурдые П. Практический смысл / Пер. с фр.: А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко; Отв. ред. пер. и Послесл. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001.
3. Исупова О. Г. Роды как ценность в интернет-дискурсе субфертильных женщин о донорстве яйцеклеток и суррогатном материнстве // Журнал исследований социальной политики. Т. 12. №. 3. 2014. С. 381-396.
4. Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009.
5. Мосс М. Очерк о даре // М. Мосс. Общества. Обмен. Личность. М.: «Восточная литература»; РАН, 2001.
6. Эриксен Т.Х. Что такое антропология? / Пер. А.И. Карасевой; под науч. ред. Ж.В. Корминой. М.: ИД ВШЭ, 2014.
7. Almeling R. Selling Genes, Selling Gender: Egg Agencies, Sperm Banks, and the Medical Market in Genetic Material, *American Sociological Review*, Vol. 72, No. 3. 2007. P. 319-340.
8. Almeling R. Sex cells: the medical market for eggs and sperm. University of California Press, 2011.
9. Hochschild A. R. So How's the Family?: And Other Essays. University of California Press. 2013.
10. Nordqvist P. Bringing kinship into being: Connectedness, donor conception and lesbian parenthood. *Sociology*, Vol. 48, No 2. 2014. 268-283.
11. Nordqvist P. Choreographies of sperm donations: Dilemmas of intimacy in lesbian couple donor conception // *Social Science & Medicine*. Vol. 73. №. 11. 2011. P. 1661-1668.
12. Peletz M. G. Kinship studies in late twentieth-century anthropology // *Annual Review of Anthropology*. 1995. P. 343-372.
13. Stone L. Kinship and Gender: An Introduction. 4th ed., Westview Press, 2010.
14. Thompson C. Making parents: the ontological choreography of reproductive technologies. MIT press, 2005.